

# АРХИВ В.Г. КУЗНЕЦОВОЙ В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ РАН

## СОСТАВ АРХИВА

Экспедиционные материалы В.Г. Кузнецовой не выделены в отдельный (персональный, именной) фонд, а находятся в общем фонде «Полевых материалов» (Ф. К-1. Оп. 2).

В.Г. Кузнецова очень тщательно и добросовестно относилась к документации своей полевой работы, ее экспедиционные материалы, очевидно, были очень объемны. К сожалению, в архив попало не все. Тем не менее это значительное и достаточно полное собрание уникальных полевых материалов.

75 номеров хранения включают в себя:

экспедиционный отчет;

- документальные источники;
- оригиналы полевых ежедневных записей;
- полевые тематические записи;
- черновик;
- переписанные уже после экспедиции полевые записи.

Очень краткий экспедиционный отчет: «Предварительное сообщение о поездке к чукчам-оленеводам района Амгуэмы» (Ф. К-И. Оп. 2. Д. 404) представлен и в рукописном виде (11 листов), и в машинописи (8 листов).

Документальные источники, переданные В.Г. Кузнецовой в архив, немногочисленны. Это «Список населения Амгуэмской тундры» (Ф. К-И. Оп. 2. Д. 337) — сведения, собранные летом 1948 г. бригадой Чукотского райкома партии во главе с инструктором Чукотского райкома И.Ф. Гущиным. В список вошло 40 семей чукчей-кочевников (252 чел.). Собранные сведения включают имена, даты рождения, родственные отношения. Сведения включают также графу «грамотность». В этой графе практически во всех случаях проставлена аббревиатура «н/г» (неграмотный). Достоверность остальных сведений, как следует из дневников В.Г. Кузнецовой, по крайней мере в ряде случаев невысока.

Второй документальный источник — «Учет оленей в период отела 1949 г.» (Ф. К-И. Оп. 2. Д. 338). Кроме того, в двух тетрадях (Ф. К-И. Оп. 2. Д. 401 (8 л.), 402 (4 л.) имеются довольно разрозненные и неполные записи (нечто вроде небольшой переписи хозяйств Анадырского района), датированные 1950 г.

Результаты своих непосредственных наблюдений с фиксацией практик и ритуалов В.Г. Кузнецова представляла в виде ежедневных дневниковых записей. Собственно полевых дневников — 67. Первые две тетради дневников утрачены.

Судя по всему, начинала писать В.Г. Кузнецова в толстых 48-листовых тетрадях в коленкоровой обложке (дневники № 3, 4, 5). Затем было использовано несколько типографских полевых дневников АН СССР — специальных книжечек небольшого формата с разлинованными листами, первая страница которых предназначалась для указания данных исследователя.

Вероятно, небольшой размер книжечки показался Варваре Григорьевне более удобным в обиходе. Для двух следующих дневников использована толстая 48-листовая тетрадь, разрезанная по горизонтали на две части и, таким образом, ставшая более удобного «пакетного» размера. Далее записи идут по большей части в тонких «школьных» 12-листовых тетрадях (44 штуки). То ли эти тетради были более доступны, то ли В.Г. Кузнецова посчитала их более удобными. К весне 1951 г.

запас и этих тетрадей был исчерпан, и В.Г. сшила шесть толстых тетрадей из согнутых пополам листов писчей бумаги. Записи за период 22 апреля — 28 апреля 1951 г. сделаны на разрозненных листах «блокнотного» формата. Параллельно велось несколько тетрадей с записями.

Есть свидетельства существования тетрадей с черновыми записями.

*20 сентября 1948. <...> Пэглят сказала, что переехали в связи с тем, что поблизости уже не стало корма для оленей, и стадо погнало дальше. Уехала Тын'эны (вторая жена Тымнэлькота), веселая, работающая, но очень плохо одетая. Кэркэр ее совершенно вытертый, с заплатками. Весь день переписывала с черновика свои записи в эту тетрадь (с 11 по 20 сентября) [Кузнецова 1948–1951: 335].*

В следующем дневнике после записи от 21 декабря 1948 г. стоит пометка: «до 22 переписала» [Кузнецова 1948–1951: 336]. Куда переписала, непонятно. Попал в архив и собственно черновик — тетрадь с разрозненными краткими записями, на обложке которой написано «Черновик» [Кузнецова 1948–1951: 408]. В сшитой тетради [Ф. К-1. Оп. 2. Д. 396] часть записей чернилами сделана прямо поверх других карандашных записей [Кузнецова 1948–1951: 396].

Кроме того, В.Г. Кузнецова, очевидно, следовала рекомендациям В.Г. Богораза [Макарьев 1928: 7] и вела не только собственно дневник, но и отдельно тематические записи. В диссертационной работе предполагалось, как уже говорилось, осветить вопросы семейно-брачных отношений, в частности брачные нормы и терминологию родства. В соответствии с этой задачей велись и тематические тетради с надписями на обложках: «Родственные отношения. Происхождение. № 1» [Кузнецова 1948–1951: 406] и «Родственные отношения. Происхождение. № 2» [Кузнецова 1948–1951: 407].

Можно предположить, что существовали и другие тетради с тематическими записями, касающимися, в частности, обрядовой практики. В ежедневных записях приведено много подробных и детальнейших описаний обрядов, главным образом хозяйственного цикла. Но обращает на себя внимание и то, что в ряде

случаев описание упоминаемых сюжетов в тексте собственно дневниковых записей отсутствует:

*22 октября 1949 г. <...> Изменили намерение ехать на могилу покойников. Весь обряд провели под горой, за домом. Описать обряд [Кузнецова 1948–1951: 340]. Обряд не описан.*

*4 марта 1950 г. <...> У Алея в капкан попал волк, и сегодня по этому поводу был праздник» [Кузнецова 1948–1951: 342]. Описания праздника нет.*

*Сегодня 25 мая 1949 г. Всю ночь, сейчас утро — тоже — сильный ветер. Я уже сутки сижу в пологе. Написала письмо Г.Л. Записываю последний праздник Кильвей [Кузнецова 1948–1951: 339]. Текст описания отсутствует.*

В архиве сохранилось только одно свидетельство существования тематических «обрядовых» записей. Есть тетрадь, которая сначала была использована для тематических записей, а затем, позже, для ежедневных записей [Кузнецова 1948–1951: 398]. Четыре первых страницы тонкой «школьной» тетради — это записи карандашом о празднике «Ниненрирукен», который проходил 31 августа 1950 г. (эта же дата проставлена карандашом на обложке). А далее идут ежедневные дневниковые записи за 25–28 июля 1951 г., выполненные чернилами. Соответствующие даты также проставлены на обложке чернилами. Вероятно, к концу экспедиции просто кончилось все пригодное для ведения записей. Уже были использованы сшитые из больших листов тетради и разрозненные «блокнотные» листочки, а в «тематической» тетради оставались неиспользованные чистые листы.

Возможно, были и какие-то специальные тетради для записи фольклорных текстов:

*«25 августа 1950 г. <...> В пологе начала записывать сказку от Омр[увакат]гаут и Омр[ыятгыр]гына, но прервалось, [...] они уснули» [Кузнецова 1948–1951: 353]. Где эта запись? И такие вещи встречаются не раз.*

Первая имеющаяся дневниковая запись датирована 11 сентября 1948 г., последняя — 8 сентября 1951 г. Отсутствуют за-

писи за периоды: 3 ноября — 18 декабря 1948 г.; 1 февраля — 20 мая 1949 г.; 20 июля — 30 августа 1949 г.; 14 декабря 1949 г. — 25 февраля 1950 г.; 28 марта — 11 мая 1950 г.; 7 — 29 июля 1950 г.; 28 августа — 3 сентября 1950 г.; 28 апреля — 29 мая 1951 г.

Причины отсутствия этих записей могут быть разными. Какие-то тетради с записями, очевидно, пропали (запись от 2 ноября 1948 г. обрывается на половине фразы, далее — перерыв более чем на месяц). В какие-то периоды записи просто не велись. Так, в период с 7 по 29 июля 1950 г. В.Г. Кузнецова пребывала в поселке Амгуэма, где полевой работы не вела. Отсутствие записей за 28 апреля — 29 мая 1951 г., возможно, объясняется тем, что просто не на чем было писать.

Большая часть записей сделана простым карандашом. В морозы даже этот самый простой и надежный письменный прибор часто подводил, и В.Г. Кузнецова стала пользоваться карандашом копировальным, в обиходе называемым «химическим»:

*«Все простые карандаши потрескались от морозов, ломаются. Химические же нет, как только что купленные в магазине. Сейчас пользуюсь химическим карандашом»* [Кузнецова 1948–1951: 363].

Почерк в целом достаточно разборчивый. Проблему для прочтения составляют главным образом многочисленные чукотские термины, ставшие для Кузнецовой обиходными и записанные кириллицей в их приблизительном звучании. То же и с многочисленными чукотскими именами, которые имеют до трех-четырех вариантов написания. Кроме того, основные имена, наиболее часто встречающиеся в повествовании, часто записаны сокращенно.

После возвращения из экспедиции В.Г. Кузнецова сочла необходимым обработать свои полевые материалы. Она переписала свои ежедневные записи, внося в них некоторые текстологические изменения. Писала она на листах формата А 4 [Кузнецова 1948–1951: 405]. Попытка систематизации материалов свелась к тому, что первый лист, относящийся к переписанному дню, имеет шапку, где указаны дата, место, стойбище и фами-

лия «Кузнецова». Далее листы пронумерованы: продолжение 1, продолжение 2, продолжение 3 и т.д.

Переписывая, В.Г. Кузнецова стилистически и грамматически редактировала исходный текст, выверяла написание чукотских слов. Надписи на обложках тетрадей основных дневников «Переписано», «Переписано со словарем», «Переписано без словаря», надо полагать, имеют отношение именно к этому процессу переписывания дневников. Некоторые бытовые подробности, замечания личного характера (о самочувствии, конфликтах с окружающими и т.д.) из текста удалялись. Необходимые разъяснения или пояснения, отсутствовавшие в исходном тексте, добавлялись.

*12 августа 1950 г. Днем, в 3.40 начали варить мясо в большом котле. Пришли гости от Номгыргына: он сам с двумя женами (Оотына с двумя детьми и Элмырултына), Тынагыргын, Рагтын'аут. Тымнэлкот с двумя женами — Чейвунной и Тын'эны, и свои — Тымн[энэнты]н, Эттыкгэут, Омр[ыят]гыргын, Таёквун, Омр[ывакатгау]т. После еды чай<sup>1</sup>. Затем все пошли к Номгыргыну, у них небольшой праздник «ныр'айчвункэнат». Три яранги, где живут три жены Номгыргына, совместно праздновали. Рагтын'аут, пожилая женщина их стойбища, отдельно<sup>2</sup>. Накрошили мелко жир на кэмэны, кэмэны с крошенным жиром принесли из двух яранг в ярангу к Оотыне — Пэнас и Элмырултына. Крошеный жир переложили в большие деревян[ные] ложки с ручками<sup>3</sup>. Оотына одела кэмллион<sup>4</sup>, остальные не одевали. Из очага в чоттагынгэ взяли горячих углей, наломали*

**1** В переписанном тексте: После обильной еды согрели чай. У чукчей чай пьют только взрослые, молодым пастухам не разрешено, не говоря уже о детях. — «Не смогут быстро бегать за оленями, если будут пить чай», так объясняют чукчи такое недозволение.

**2** В переписанном тексте: Раглинаут, пожилая женщина из стойбища, отметила праздник отдельно, так как у них разные огни, и в таких случаях ни одна хозяйка не соединит искры со своего очага с чужим огнем, не занесет своей закопченной посуды в чужую ярангу, ибо посуда эта была уже на своем огне со следами копоти.

**3** В переписанном тексте: Жир из корыта переложили в большие деревянные ложки с длинными ручками.

**4** В переписанном тексте: Оотына одела поверх кэркэра женский балахон с кистями на спине из оленьей выделанной шкуры, окрашенной в темно-красный цвет, две другие женщины, Элмырултынгэ и Пэнас, кэмллион (балахон) не одевали.

*кусочки сухого хвороста и на улице сбоку, справа от входа, метрах в пяти (лицом к выходу) развели маленький костер, туда вынесли ложки с жиром, женщины — жены Номгыргына и Ран'аун'аут жена Вуквувэгыргына, сели вокруг костра. Все мужчины (кроме Тымн[энэнты]на), молодые парни и мальчишки с посохами (кэнун'э) во главе с Номгыргыном побежали бегом, метр[ов] за 100, затем обратно, торопясь и обгоняя один другого, спешили к выставленным на улице у энанкав (огня) призам. К веточкам были привязаны махорка и листовой табак. (Три приза — два по одной махорке и три — листовой табак — один большой лист). Тымнэлкот прибежал первый, Эттыкгэут сорвала приз с листовым табаком и передала Тымн[энэнты]ну. Омрытагын взял махорку, передал матери Раглин'аут. Женщины подкладывали жир из своих ложек в огонь. Остаток жира Номгыргын и его сын Кымытэгын, взяв с ложки с жиром, разбросали на земле, в метре от огня<sup>1</sup>».*

Переписанные дневники, хоть и носят вторичный характер, очень важны и интересны, поскольку здесь мы находим пояснения, расшифровку чукотских терминов и т.д. К сожалению, эти переписанные дневники представлены в архиве фрагментарно<sup>2</sup>. Возможно, В.Г. Кузнецова переписала не все дневники — не на всех тетрадах есть соответствующие пометки. Далеко не все дневники, на обложках которых стоит «Переписано», существуют в архиве в переписанном варианте. Записи за отдельный день зачастую присутствуют не полностью. Так, записи за 24 августа 1950 г. начинаются с «Продолжения 1» (Л. 74), т.е. не с начала, затем следует «Продолжение 3» (Л. 75), затем — «Продолжение 6» (Л. 76) и т.д. Рукопись начинается с 29 мая 1949 г. (не с титульного листа, а с «Продолжения № 1») и заканчивается 29 мая 1951 г. («Продолжение № 3» — «Продолжение № 8»).

**1** В переписанном тексте: Женщины в это время кормили огонь очага, беря щепотками жир из своих ложек и посыпая им огонь. Оставшийся в ложках жир устроители состязания Номгыргын с сыном Кымытэгын разбросали на землю в метре от очага, отойдя к этому месту с ложками — принесли жертву.

**2** В папке имеется записка заведующей архивом МАЭ РАН И.В. Жуковской: «Кузнецова В.Г. переписанные дневники сдала с пропусками. Видимо, она в тот период была больна, И.Я. Треногов, заведующей архивом МАЭ РАН в те годы, получая, не проверил».



## ХАРАКТЕР ЗАПИСЕЙ

Дневниковые записи представляют собой ежедневные описания полевых ситуаций, иногда с переложением разговоров. Достаточно часто присутствуют короткие записи для памяти, а затем более развернутые тексты по уже упоминавшимся датам. Или короткие записи идут ближе к концу тетради. Очевидно, если у В.Г. Кузнецовой не было возможности записывать сразу, сначала она оставляла короткие заметки для памяти, а затем в той же тетради делала развернутые записи. Каждый день более или менее подробно записывалось все, что происходило: погода, когда встали, когда легли спать, кто приезжал, кто уезжал, что происходило в стаде, что делали женщины, что мужчины, какие происходили разговоры, кто с кем ссорился и т.д. При знакомстве с новым человеком выяснялись и записывались в дневник его родственные связи.

Даже если иногда (очевидно, по обстоятельствам) записи достаточно лаконичны, отчетливо видно, что В.Г. Кузнецова стремилась к детальной (почти «естественно-научной») фиксации окружающей ее действительности так, как требовала того школа: «Основным элементом собирания и наблюдения является человеческий факт, записанный точно и с обилием деталей» [Макарьев 1928: 6]. Приведу пример такой практически «идеальной» по подробности записи, зафиксировавшей протекавшую на глазах В.Г. Кузнецовой жизнь стойбища.

*«11 ноября 50 г. Проснулась ночью, Тымн[энэнты]н громко, завывая, нараспев, стонал. Боли, видимо, опять появились. В пятом часу утра пили чай. К чаю вчерашнее вареное мясо. Мне — очень немного. Тымн[энэнты]н быстро задремал, пили мы с хозяйкой. Из стада пришел Ятгыргын. Вошел в полог, завтракал вареным мясом. Девушка приготовила также холодный завтрак — рубленую в крошку выттол<sup>1</sup> с рубленой же морож[еной] печенкой, кыйты-кыйт<sup>2</sup>. Хозяйка это блюдо не ели, только мы. Тымн[энэнты]*

1 Выттал — смесь растений с жиром морзверя, оленьим бульоном или мясом.

2 К'итык'ит (мн. к'итыт) — мерзлое мясо или рыба.



н спит. Хозяйка делает нитки. Омр[увакат]гавыт готовит подошву — чечот, для торбаз братишки. Прокусали, прослюнявили грубую, сшитую из маленьких кусочков чечот Омр[увакат]гавыт и Омрыят[гыргын]. Одна подошва большая, вторая маленькая. От большой отрезали кусок и пришили к второй. В восьмом часу утра Омрыят[гыргын] вышел из полога. Таеквын из своей яранги вышел несколько раньше. Оба они ежедневно охраняют стадо днем, с ними старше их, лет 15, Онпыгыргын. Ятгыргын также вышел из полога.

Порывы ветра слышны меньше, чем вчера. «Нет худа без добра» — у меня вышел табак, и первые дни бестабачной жизни были тяжки. Ни о чем не думалось, кроме табака. Теперь острота спала, курю мало и редко, и заметно лучше стала себя чувствовать — не хрипит в груди, легче дышится. Раньше здесь в тундре при наличии табачных запасов пачку махорки выкуривала за день. Интересно проверить, насколько пачки махорки хватит теперь. Открыла вчера, 10 ноября, данную Оотыной махорку.

8 утра, жирник едва мерцает, хотя девушка шьет (пришивает подошву к торбазам братишки). Хозяйка приказала ей разминать шкуру на верх[ние] брюки Ятгыргыну, сама вышла в чоттагын греть чай. Перед выходом из полога ворчала на бездельницу-девушку, апатичную и безынициативную. «Оставить вас одних, проспите и замерзните, разутые и раздетые».

Позавчера в пургу приходивший к нам Тынагыргын, одетый в старую одежду и в рваную прошлогоднюю матерчатую камлейку, говорил: «Мы новую одежду бережем и одеваем в самые морозы. Нэргэрик<sup>1</sup> носим старую одежду и, конечно, мерзнем. Летом совсем старую, вытертую, безворсную одежду. Теперь на мне одетые верх[ние] брюки — им третий год. Сошьют мне новую камлейку матерчатую, буду носить ее зимой, а эту старую в следующее лето. В мокрый снегопад мы не одеваем хорошую одежду, а старую. На нем были одеты торбаза — чечот<sup>2</sup>, им третий год.

1 Нэргэрик — в ноябре... (нэргэрик — осенью).

2 Чечот, чечоплякыт (мн. чечолгын) - зимние торбаса с подошвами из оленьих щеток.

Тынагыргын, правда, бездомный человек, калека, иждивенец, сейчас у Номг[ыргы]на.

В полог внесли ногу оленя, паакат еще не срезан, отогреется — для больного Тымн[энэнты]на еда. Омр[увакат] гавыт разминает в пологе ногами шкуру. Из вчерашнего вареного мяса сегодня утром отложили в тряпочку неск[олько] кусков. Один из кусков Омр[увакат]гавыт подала хозяйке в чоттагын. Завертывая остальные куски в тряпку, крадучись, торопливо откусила кусок и, не прожевав, проглотила. Нежеванный проглоченный кусок чвакнул в горле. Девушка всегда грязными руками булькает в кастрюле с остуженным бульоном и вылавливает жиринки, съедая их. Утром, когда в кастрюле остается мало бульону, всплывает со дна кастрюли осевший навар, кусочки мяса. Когда нет старших, а на меня она не обращает внимания.

В 8.40 созрелся чай, в полог вошел Тымнэлкот. Хозяйка ножом срезала едва оттаявший паакат с внесенной ноги. Тымн[энэнты]ну порезала ломтиками, Тымнэлкоту дала ногу с частью несрезанного паакат, мне кусок пааката. Съев паакат, Тымнэлкот начал о чищать — кушать мякоть, пленки с ноги. К концу чаепития пришел Номг[ыргы]н, вошел в полог. Девушку, шившую у жирника торбаза (пришивала подошву — чечот к торбазам братишки), послали кипятить новый чайник. Не оказалось воды. Сказали принести от Чейвуны. У Чейвуны тоже не было воды, девушка ушла по воду.

Хозяйка принесла большой кусок, к[ило]гр[амма] в 2,5 мороженой крупной рыбы. Разрезали на куски, кушали все, находящиеся в пологе, также я. Девушке хозяйка подала в чоттагын шкуру с рыбы, а в конце еды отдала кэмэны с оставшимися, не съеденными для Тымн[энэнты]на кровяными кусочками. — Или сама съешь, а если энку лыныркын (не хочешь), отдай собакам. — Нет, конечно, я съем, — с улыбкой в голосе ответила Омр[увакат]гавыт.

Тымн[энэнты]н доглодал ногу, выбил костный мозг. Мозг съели, дали и мне кусочек. Вскипел маленький чайник. Номг[ыргы]н было засобирался домой, но Тымн[энэнты]н оставил его, сказав: собственно для тебя грели чай. Номг[ыргы]н остался, сел на мою сторону, рядом со мной

(я всегда занимаю место на южной стороне полога, у жирника) и зашутил: «Была бы ты моей женой, всегда сидела бы близко, рядом, ездили бы в гости». Тымн[энэнты]н вступил в разговор и рассказал о семье Выквэына, ытту-утлет — предки к[ото]рых лыетаннитан (коряки?). Номг[ыргы]н сказал, что м[ожет] быть предок пэрэйо — взятый в плен в период прежних войн.

К концу этого чаепития пришел хромой Тынагыргын, в чоттагын ему подали чашку чая. Разговор за чаепитием в пологе продолжался. Слышно стало, как поскрипывает костылями в чоттагын Тынагыргын. Положане переглянулись. Еще не вышел, слушает, — сказали они. — Почему не заходишь в полог? Правда, я собираюсь одеваться и тоже выйду, — сказал Тымн[энэнты]н.

Пока ты одеваешься, я зайду в полог погреюсь. Очень холодный ветер сегодня, — отозвался Тынагыргын и вошел в полог. Хозяйка подала ему кость с мясом (вчерашее вареное мясо). Тынагыргын стал рассказывать сон. Видел бурого медведя, разговаривающего, как человек. Когда Тынагыргын хотел убить его из ружья, медведь сказал: Не трогай меня, у меня есть брат, очень сильный, и тебе будет плохо от него. Хозяйка в это время причесывала Тымн[энэнты]на и заплетала ему косички. Номг[ыргы]н ушел домой сразу после чая. Тымнэлкот еще раньше, до второго чая. Вошедшему в чоттагын Вуквувэгыргыну Номг[ыргы]н сказал: Здешние будут подгонять стадо к ярангам, помощи им. Тымнэлкот вышел.

В 10 утра вышли Тымн[энэнты]н и Тынагыргын. Хозяйка мне сказала: сейчас я немного поработаю над шкурой на свой зучанкэр<sup>1</sup>, затем выйду работать в чоттагынэ. Ныгрыткумури — сегодня забиваем оленя, так что не смогу заниматься кройкой твоей одежда. Мин[ут] 20 хозяйка разминала ногами шкуру в пологе, а затем вышла. Тушу забитого оленя уже втащили в чоттагын. Меня оставили в пологе, предупредив не жечь ярко жирник. Жирник едва мерцает.

Тынагыргын у нас в чоттагынэ оттачивает полозя нарт Тымн[энэнты]ну. Тымн[энэнты]н ушел в стадо, соби-

1 Эвычан'кэр — нижний женский комбинезон (кэркэр).

рается ехать на оленях. Вот непоседа старик, ночью едва не умирал, а утром едет на оленях в мороз и холодный ветер.

При забое оленей на пищу девушка обычно свежует тушу, а хозяйка отжимает р[ылко]рил, и сегодня то же.

Мой больной правый глаз было выздоровел, а дня четыре тому назад опять заболел. Правда, не такое обильное гноевыделение, но все же есть, и покраснение глазного яблока. Опять начала капать капли утром и вечером. Просыпаюсь со слипшимся веком и плохо вижу. Каждодневный испуг — теряю зрение. Вчера обнаружилась новая болезнь — распух, покраснел и очень чешется безымянный палец левой ноги. Обморозила или пеллагра?

Сначала боль не ощущалась, а только опухоль и зуд, сегодня чувствуется и боль, болезненный зуд. 29 октября в ночевку у Кааквургокая заболело левое ухо, шум и небольшая глухота, видимо, ушная сера скопилась. Неприятно отдавало в голову, в мозг. Сейчас почти не ощущаю шума, прошло.

Вся я понемногу расклеиваюсь, не то, так другое начинает сдавать.

Из чоттагына в полог подали чашку с калом, вынутым из кишки свежеумога оленя. Вечером будут намазывать калом, размятым в человек[еской] моче, мездру шкуры, наверное, той, что пойдет на гыргочанкыногты<sup>1</sup> Ятгыргына. В чоттагынэ, прекращаясь, опять возобновляется разговор хозяйки с Тынагыргыном или указания и замечания хозяйки девушке.

Забили сегодня заболевшего оленя — тинит акарэтлин — утроба заболела.

Утром Ятгыргын ушел за хворостом.

12.30 дня, полог остыл, свет жирника очень мал, а людей, кроме меня, в пологе никого нет. Пришел или приехал Тымн[энэнты]н. В чоттагынэ по-прежнему Тынагыргын. Пришли Омрытагын и Онпыгыргын. Сходи по воду, дам печенку, — сказала Онпыгыргыну хозяйка. Парень принес воды, ему дали свежую печенку, поджарив на костре, он съел.

1 Гыргочанк'онагтэ — верхние мужские штаны.

В ноч[ном] горшке в своей моче «вымыли» ступни ног и руки.

Хозяйка несколько раз говорила: Если бы тебе шили кэркэр, теперь уже закончили бы. А кухлянку со штанами, да еще нужно то и другое нижнее, мы очень растянули. Об этом же сейчас она говорила в чоттагынэ Тынагыргыну.

— Почему она не оденет кытэпирын (мой полушубок) как нижнюю меховую рубаху?

— Тяжелый, — ответила хозяйка.

Пожалуй, верно, из полушубка сделаю себе ниж[ние] мехов[ые] штаны. Пришел Ятгыргын, в чоттагынэ. Для Тымнэлкота также сегодня забили больного оленя.

В пологе, на веревках — тэлет, протянутых по потолку полога (4 шт.), развешивают для просушки одежду — рубахи, штаны; у жирника — чижы, торбаза. Как одежда, так и обувь выворачивается мездровой стороной для просушки. Обрабатываемые шкуры после разминания ногами также сушат в пологе, либо над жирником, либо на веревках. Шкуры после разминания ногами также выносят для просушки и на улицу. Вчера на возу лежала такая шкура Чейвуны, а уже начиналась пурга. На жерди на улице же была повешена для просушки новая красная нижн[ая] мехов[ая] рубаха Тымнэлкота после его возвращения с ночного дежурства из стада. У Тымнэлкота уже сшиты две новых нижн[их] мехов[ых] рубахи.

1.30 дня. В чоттагынэ пьют чай Тымн[энэнты]н, хозяйка, Тынагыргын. Я выпила чашку, подали в полог. Мне к чаю дали поджаренный на костре кусок свежей печенки. Они кушали головы, мозг, глаза, носовой хрящ и, видимо, также печёнку.

В полог подали четыре срезанных копыта со щеткой. Вероятно, опять будут вырезать щетку с копыт на подшиву к торбазам. Хозяйка взяла из полога шкуру черную, довольно большую, позднеосеннего каю<sup>1</sup>, ее эучанкэтлекал, сейчас скребет мездру железн[ым] скребком после разминания ногами и просушки. Сегодня ночью этой шкурой будут

1 К'эюу — олений теленок, олененок.



одеваться, за ночь на человеке она совсем подсохнет, и завтра можно будет ее уже красить вирвир<sup>1</sup>.

Заскорузлую мездру шкуры — иинэлгын, перед первой чисткой смачивают бульоном. После остатки мездры опять смачивают бульоном, даже выварками чая, а наша хозяйка одну шкуру смочила уже использованным, смешанным с человек[еской] мочой (ее мочой) вирвиром. Смоченную шкуру свертывают. Когда мездра становится мягко-влажной, податливой, вытягивается, как тесто, ее разминают ногами, обычно не в один, а в 2–3 приема. После первого или второго разминания ногами шкуру или выносят на улицу на солнце или ветер, или теперь, зимой, в пологе, над жирником. Следующие две стадии обработки: 1) еще раз мездру счищают железн[ым] скребком. На ночь шкурой одеваются. 2) Красят вирвиром, тщательно втирая красную кору — крошку. Шкура высыхает, после этого в последний раз разминают ногами, разглаживают, как утюгом, и шкура готова. Готова к кройке и шитью.

3 часа дня. Уже вечерет, начинает темнеть. Хозяйка сбила снаружи полога, в ворстной части (по-прежнему агран<sup>2</sup>) тивийгином снег, внесла обе шкуры, счищенные днем ею в чоттагын. В ночн[ой] горшок налила теплой мочи (ее), всыпала олений кал и разминает руками. Будет смазывать мездру шкуры мягким калом. Внесла большой кусок, гр[амм] 400, белого топленого костного жиру. Я вырезала ножом кусок белой ткани «витылкал»<sup>3</sup>, сделала большой (относительно), во всяком случае, яркий жирник. За целый день нахождения в пологе я сидела при едва мерцающем жирнике и, оказывается, сожгла очень много жиру, как сказала хозяйка.

Хозяйка мажет мездру калом не густо, а слегка, кусочком, отрезанной от шкуры шкуркой. 3.15 дня. В полог вошли Тымн[энэнты]н и Тынагыргын. Подали морож[еное] мясо — паакат, рубленное. Чай. После чая Тымн[энэнты]н кушает розовую головную ткань, затем он и хозяйка нача-

- 1 Вирвир — кора ольхи (используется в качестве краски).
- 2 Агран — зимний полог.
- 3 Фитиль — ножом накрошили из куса белой ткани.

ли срезать щетку с копыт, оглаживая косточки копыт (срезая ножом). Тынагыргын сегодня сделал кэнкэл<sup>1</sup> для бича, сейчас подстрогал, подточил кэнкэл. В полог вошел Ятгыргын, переобувается. Одевает чечот и в торбаза вложил другие, сухие стельки. Внесли ноги в полог. Тынагыргын точит нож, собираясь глодать ногу. Тымн[энэнты]н также гложет ногу.

4.20 вечера. В чоттагын вошла Тын'эны и сказала, что часть стада отделилась и убежала к речушке. Ятгыргын быстро вышел из полога, через полчаса возвратился потный и красный.

Стадо соединили. Пришли мальчики — каанталют<sup>2</sup>, в чоттагынэ едят свежевареную (ямга) р[ылко]рил (ямга). Ятгыргын выбивает мозг из обглоданных ног, на элгыквын<sup>3</sup>, железным молотком. Тынагыргын гложет третью ногу, крупные части отдавая хозяйке. Выбитый мозг кидает на маленькую кэмэны.

Хозяйка кроит Тымн[энэнты]ну аноквын (подбородник).

4.50 вечера. В полог вошел Омрыят[гыргын]. Тымн[энэнты]н гадает на картах. Два раза хозяйка сказала, чтобы Тынагыргын сел в кыммэ, к свету. Я молчу и продолжаю находиться в кыммэн. О месте летнего обитания (у оз. Экитики) Тымн[энэнты]н сказал, что сейчас там нет ветра и пурги.

Хозяйка шьет аноквын. «Майн аноквын ынан танычин»<sup>4</sup> — сказал Тынагыргын в ответ на слова хозяйки, что она шьет большой аноквын. Хороший аноквын, закрывающий также грудь, — сказа Тынагыргын.

Ворожа, Тымн[энэнты]н сказал жене: Завтра уложите вещи на возы. По картам Тымн[энэнты]на выходит: 1) Скоро рэлкын будут аммона (врозь)<sup>5</sup>. 2) В будущем что-то будет плохо.

1 Кэн'кэл — наконецник хорей.

2 К'аальатылын (мн. к'аальатылыт) — пастух, находящийся в оленьем стаде летом.

3 Элгыквын — камень, на котором толкут мясо и разбивают кости.

4 Большой аноквын — самый лучший.

5 Скоро стойбища окажутся врозь.



*От Чейвуны принесли три куска и кусочек языка сваренного мяса.*

*Вечером после ужина Тнагыргын (Эпылгут) рассказал сказку «Два брата сиротки».*

[Кузнецова 1948–1951: 364].

Приведенная дневниковая запись — классическая описательная этнография. Отчетливо проступают методические аспекты включенного наблюдения, которых требовала Ленинградская этнографическая школа: «строгая передача действительности», объективное отражение наблюдаемого, а не толкование о нем со стороны исследователя, отсутствие оценочных суждений по ходу происходящих событий [Штернберг 1924: 213]. Это то, что Клиффорд Гирц назвал бы псевдо объективным формальным описанием человеческого действия. Интерпретация фиксируемых фактов носителями культуры В.Г. Кузнецову практически не интересовала. Некоторую расшифровку фиксируемых событий, которую лишь условно можно назвать интерпретацией исследователя, присутствует скорее не в самом дневнике, а в его переписанном варианте.

В дневнике:

*27 августа 1950 г. <...> Стали собираться в дорогу — в стойб[ище] Тымнэтынагыргына на праздник нын'энрирукэн женщины стойбища Номгыргына. <...> Оотына сменила ребенку в макы<sup>1</sup> мох, взяла с собой запасной мох, смешанный с оленьей шерстью, привязала эчулгын (провела рукой по внутренней части ачулгына, смазала головку ребенка и свою [Кузнецова 1948–1951: 354].*

В переписанном варианте:

*Смазала головку ребенка и свою голову: уходя в другие стойбища, оставляя свой дом и очаг, она как бы оградила ребенка и себя от всего нечистого [Кузнецова 1948–1951: 405].*

1 Макы — клапан детского комбинезона

Очевидно, В.Г. Кузнецова изначально стремилась не просто видеть и фиксировать, а наблюдать и делать выводы, обобщать свои наблюдения. Весьма наивные «выводы» из наблюдений появляются уже в самом начале экспедиции, по пути с Ванкаремской ярмарки. Для «выводов» в дневнике № 3 (первый из имеющихся в архиве дневников) отведено специальное место — текст написан на свободных от ежедневных записей левых страницах разворота тетради:

*19 сентября 1948. <...> Некоторые выводы (писала 25.9.48).*

*1) Чукчи уважают и почитают стариков. Слушаются и подчиняются им. Их слово — закон. Помогают старшим. За Тымнэнэтынном в дороге (с ярмарки) ухаживали, первому подавали еду и чай, следили за обувью, вытряхивали одежду (конягты, ирын). Особенно внимательна была Тын'эны — вторая жена его брата Тымнэлкота.*

*2) К женам чукчи относятся хорошо, ласково. Чукчанка не принижена. Она много занята, но не помыкает муж (мужчина).*

*3) Ссор у чукчей пока не замечала. Много шутят, острят, смеются чукчи, и мужчины, и женщины, особенно, как правило, когда соберутся за едой и гостинцем. Любят сальные остроты.*

*4) Женщины одни — разговаривают, видимо, обсуждают новости, житейские вопросы стойбища, много смеются. Мимика при разговоре живая, копируют, передразнивают. Их разговор — сплошное цоканье. Разговаривают тихо, медленно. Уакай за шитьем любит петь — бессловесный, однообразный мотив.*

*5) Все чукчи сильно кашляют, у всех насморк. Сморкаются и плюют там, где сидят или ? (за едой — рядом с пищей). На теле у многих болячки. У пастухов — больные глаза (от ветра, бессонницы).*

*6) Понятие грязно — отсутствует совершенно.  
Выводы (продолжение).*

*7) Чукчанки не любят похвастать новинкой (Уакай никому ни словом не обмолвилась о моих подарках. Не она,*

*а на нее обращали внимание другие чукчанки (серьги в ушах). Я бы лично похвасталась.*

8) Среди чукчей имеются и люди с длинными руками (любители на чужое).

9) Детей любят — не бьют, не кричат [Кузнецова 1948–1951: 334].

Дневник с ежедневными записями по своему жанру не требует такого рода «выводов», и в дальнейшем В.Г. Кузнецова от этой практики отказалась. Не стремилась она также фиксировать в дневниках очевидные ей и лежащие на поверхности смыслы. Такого рода замечания в дневниках единичны.

*22 ноября 1950 г. <...> Как и во времена Богораза, и теперь чукчи придают большое значение снам, сны рассказывают, и почти каждую ночь они что-нибудь видят во сне. Ночевала я у Тнарэнтыгыргына (депутата), утром он спросил — видела ли что во сне. Ночевала у Кааквургокая, тот же вопрос утром. Ночевала у Оотыны, она также спросила утром — видела ли что во сне [Кузнецова 1948–1951: 365].*

*25 ноября 1950 г. <...> В тот вечер, когда заболевший Тымн[энэнт]н отошел и когда в пологе находилась гостья — старуха Кыйттын'эут, Тымн[энэнт]н заругал Омр[увакат] гав[ыт] за ее нерасторопность, а когда она на его вопрос, что ты делаешь, ответила — кушаю, старик совсем обозлился и заявил: «Если ты одна будешь кушать, не считай больше себя принадлежащей к нашему дому. Я найду девушку-работницу другую, по-настоящему работающую, а не такую бездельницу, как ты». У чукчей порицается и осуждается еда в одиночку. Вся семья должна кушать в одно время. Лишь вечером уходящим в стадо пастухам или одному пастуху раньше дается еда, и он может кушать один. Те же, кто находится дома, и особенно женщины, не должны кушать в одиночку. Безусловно, это пережиток старины, сухопутно-охотничьего быта чукчей [Кузнецова 1948–1951: 365].*

Для поисков смысла, интерпретации требовалось не только наблюдать, необходимо было разговаривать, задавать вопро-

сы. Поначалу это было невозможно по объективной причине: В.Г. Кузнецова не знала чукотского языка, но и в дальнейшем, вплоть до самого конца экспедиции, ответы на задаваемые себе вопросы она получала по большей части в ходе все того же наблюдения, а не путем расспросов.

*26 сентября 1948 г.. Вечером в чоттагыне слышала голос Кайгырголя (Тэнот не ночевала у нас), а только на завтра в шутке Тымн[энэтына] (по поводу оставленных Тэнот вшивых кэркэра и обуви) узнала, что она ушла от Тымн[энэтына] совсем в стойбище Омрыквота, вышла замуж за Кайгырголя. Почему подгоняли оленей — не выкуп ли за Тэнот перед Тымн[энэтыным]. В дальнейшем надо узнать об этом. [Кузнецова 1948–1951: 334].*

Этот сюжет в дневниках не получил развития. Другой же вопрос (зачем у некоторых ездовых оленей отпиливали рога) ответ получил. К записи от 26 сентября 1948 г. на свободной от ежедневных пометок странице разворота тетради позже приписано:

*У оленей обрезали рога маленькими пилками (у тех, которые были в загородке из саней, правда, не у всех оленей). Перед отъездом забили двух оленей. Позднее, уже зимой, когда установилась санная езда, мне стало ясно, для чего это делали — этих оленей стали впрягать попарно в ездовые нарты (запись 8 ноября 1948 г.). [Кузнецова 1948–1951: 334].*

Какой-либо «программы»-вопросника на заданную тему, тем более анкет В.Г. Кузнецова, похоже, не применяла. По текстам дневников кажется, что она вообще избегала вопросов. Если что-то удивляло или было непонятным, разъяснений не просила. Чаще возникавшие вопросы она адресовала себе самой, сама на них и отвечала или не отвечала.

*26 октября 1950 г. Сегодня праздник поминовения предков и умерших — эунрэмкын. <...> После забоя оленей утром трое мужчин — Тымнэнэнтин, Тымнэлкот и Ятгыргын — уехали на оленях в направлении реки Энгыргын. Зачем они*

ездили — мне не известно. Или эта поездка была связана с поминовением покойников, могилы находились на Энгыргын (не все, а некоторых умерших), или же ездили с другой целью — перехватить возвращающихся с морск[ого] берега кочевников, запасшихся морск[им] жиром, подошвами, ремнями. Мужчины возвратились во второй половине дня [Кузнецова 1948–1951: 364].

25 января 1951 г. <...> Ятгыргын в ночь в стадо не пошел. Тымнелкот сказал: Высуши одежду, я пойду в стадо. Не предоставил ли он свою жену на ночь гостю, а сам ушел в стадо? Вероятно, это так [Кузнецова 1948–1951: 367].

22 марта 1951 г. <...> Вечером же Ятгыргын, соединив ветки вместе, обмотал их во всю длину нескрученными сухожилиями. Вероятно это для будущ[его] праздника килвея? [Кузнецова 1948–1951: 384].

К сожалению, иногда оставались не проясненными никем, не зафиксированные и чрезвычайно интересные для исследователя факты, например в приведенном в дневнике рассказе Ринтынэ (жены Гырголя, в яранге которого она жила в самом конце экспедиции) о гибели от голода ее племянника.

8 июня 195 г. <...> У меня, тоже кормящей матери, было много молока в грудях, жалко было смотреть на голодного ребенка, но я не могла кормить его своей грудью, так как мой ребенок также ребенок Гырголька (теперешний мальчик, моя забава) — аймэтьё или аймыётъёкай (значение этого слова точно не поняла, видимо такое — кто-то умер из предков, ребенок родился как замена умершего) — принадлежащий только этой яранге, и я не могла кормить своей грудью племянника. Хотя жалость к годовалому ребенку, ребенку моего младш[его] брата, очень велика [Кузнецова 1948–1951: 392].

Может быть, В.Г. Кузнецова знала, что вопросы такого свойства задавать и не стоило, понимала, что ресурсы включенного наблюдения не безграничны. Вероятно, в область сакрального, по мере возможности, ее старались не допускать и, соответственно, глубина погружения здесь была невелика.

*3 сентября 1950 г. <...> Спросила у Ятг[ырг]ына, как наз[ываются] ноги, рога и хвост, прикрепленные к руинэ в чоттагын в нэнрирукэн. Омр[увакат]гавыт, оказывает-ся, еще не уснула, услышала мой вопрос и быстро сказала — «не говори». Начав отвечать мне, он быстро переменял ответ на незнайство, что знают только женщины. Я засмеялась, он громче моего.*

В дневниках много лингвистических материалов, свидетельствующих о большом труде по освоению чукотского языка. Кроме ежедневных записей, многие страницы заняты записанными чукотскими словами, выражениями, фразами, с переводом и без. Особенно это характерно для дневников за первые два года, но такого рода записи присутствовали на протяжении всего пребывания на Чукотке.

Овладение языком позволило В.Г. Кузнецовой применять весьма результативные в конечном итоге методы полевой работы. Ближе к концу экспедиции в дневниках стали появляться чрезвычайно интересные семейно-биографические мемуары — переложения ее разговоров с информантами, содержащие, в отличие от других записей, важную для исследователя интерпретацию тех или иных событий, которую давали сами носители культуры. Правда, диалогом исследователя и информанта эти записи назвать трудно, поскольку в дневнике зафиксировано скорее переложение монолога информанта, изредка прерываемого вопросами, призванными скорее поддержать беседу, чем направить ее в нужное русло. В приведенном ниже примере такой записи зафиксирован вопрос В.Г. Кузнецовой «Почему?». Замечу, что это одно из всего двух «Почему?», адресованных информантам В.Г. Кузнецовой, встретившихся в дневниках.

*10 июля 1951 г. <...> О прошлом этой, теперь Гырголя, яранги Раглина рассказала. Первая жена Тнэскэна — Кымын'экай. Умерла молодой, сошла с ума — геюргэтивилин. Дочь Кымын'экай — Тиркытваль. Первым мужем Тиркытваль был Етуги. От этого брака родился Выквырочгекау. Етуги ушел на морской берег. У Тнескэна было три своих яранги. В первой, ыттыёралын, жила Тиркытваль. Во вто-*



рой — Тнескен. В третьей — вторая жена Тнескена — Рагтыятгэвыт. После смерти жены Кымын'экай Тнескан женился на молодой Турневыт. Здесь, во второй яранге, жили Тнесан, Турневыт, Томгына, Раглина. Мужчин не было, и Томгына постоянно находилась в стаде. У Томгыны скоро не стало молока в грудях, и Раглину выкормили искусственно. Из Ванкарема привозили сгуц[енное] молоко, муку, галеты. По словам Раглины, она ложками ела сгуц[енное] молоко, съедая сразу по две банки. Однажды, она уже была девочкой, зимой, во время подготовки к кочевке — чайвыма, она, Раглина, на морозе стала есть сгуц[енное] молоко прямо из банки. Края банки примерзли к губам и языку. С трудом оторвали примерзшую банку от плакавшей Раглины. С тех пор я перестала есть на морозе сгуц[енное] молоко. Ела уже оттаявшее. Тынескен даже не ел мучных лепешек. Я запрещала — гымин роолкылте. Чай пили в семье Тнескена всегда с сахаром. Раглину хорошо одевали. Носила кан'окер<sup>1</sup>, и даже нижний керкер кан'окер. Торбаза зимой и летом носила вышитые. Зимой носила вылгыегыт<sup>2</sup> — из камуса с малым ворсом. А не мерзли у тебя ноги, — спросила я. — Нет, всегда носила теплые новые чижы из красивого пестрого камуса. Никто на меня никогда не кричал. Не принято было в семье Тнескена ругаться. И потом, после смерти Тнескена, когда жизнь моя изменилась, я стала жить в других стойбищах, на меня стали кричать, в первое время я пугалась от ругани. У Рагтыятгэвыт, жены Тнэскэна, был мальчик. Умер от болезни. Гырголя приняли в дом в зятья, в мужья Тиркытваль. Он — елгытомгын<sup>3</sup> Тиркытваль. Отец Гырголя Ринтуги и Тнескан — елгытомгын. Гырголь с женой Тиркытваль, с Вуквурочгекау жили в первой яранге. От брака с Гырголем у Тиркытваль был ребенок, девочка. Тнескан уже умер. Тиркытваль заболела. Ребенок ее, девочка, ползала, еще не ходила. Девочку-ребенка, совсем здоровую, задушили ремнем. Задушил Таёгыргын. — Почему, — спросила я. — Тэвиминн'ёлкал — предназначена для

- 1 К'эн' укэр — кэркэр из пестрой бело-коричневой оленьей шкуры.
- 2 Вылгыегыт — обувь из летней тонкой оленьей шкуры.
- 3 Й'элгытомгын — двоюродный брат.



мучений, — ответила Раглина. Затем сказала: Таньмэпы, кораньмэпы. К чему это было сказано, я не поняла. Умер Тнэскан у айватлят<sup>1</sup>. Туда они укочевали. Там прекрасный корм для стада. Много ватапу<sup>2</sup>. Но среди айватлят была эпидемия, и Тнескан заболел, там и умер. «Виускивлин», — сказала Раглина. Укочевал в чужое место умереть. Там, у айватлят, и похоронили Тнэскэна. Сделали очень большой тынмай. Тынмай делал Гырголь. Умер Тнэскан до эпидемии 46 г., еще раньше, в аканытык<sup>3</sup>. Дочь Тнэскына Тиркытваль умерла в челгатык<sup>4</sup>. Гырголь женился после ее смерти на Вээм. Вээм умерла от побоев Гиунькэу. Тогда еще было очень большое стадо, оставленное Тнескеном. — Как у Эпинди<...> (как у Алёля), — сказала Раглина. Турневыт, молодая жена Тнескена, была мастерица шить. Хорошо шила и другая его жена Рагтыятыгевыт. Теперь в яранге Гырголя рваный старый летний ретем. Новый летний ретем, зимний ретем, полог и много других вещей оставлены были в магны<sup>5</sup> на этом берегу Амгуэмы (на правом берегу) при осенней кочевке, при возвращении с морск[ого] берега в тундру народу было всего пять чел[овек] — Гырголькой, Ринтына, Раглина, Вукверочгекау и Тымнекалечайвын. С таким малым числом людей невозможно было кочевать. Грузовых нарт с вещами было очень много. Кочевые караваны были длинные. Мранэтлети — очень далеко от мгунынрэтыля, — сказала Раглина. В одной яранге Тнескена было четыре длинных муурил<sup>6</sup>, а теперь лишь две, да и то коротких. Пять человек кочевали с вещами, груженными на нарты, от трех яранг. Поэтому и оставили вещи в магны. Четверо муурил с вещами замагнили, по словам Ринтыны. При жизни Тнескена Таёгыргын был другом этой семьи. После смерти Тнескена Таёгыргын изменил отношение. Дочь Таёгыргына Эттырультына была женой Майныкооквыргына. Затем женой Тн'арэнтына, от него у нее тепереший

1 Айвалльат — восточные чукчи.

2 Ватап — мох (ягель).

3 А'к'агнэтын'н'ок — с наступлением весны (солнечных дней).

4 Челгатык — заболеть краснухой.

5 Магны — то, что оставлено (чтобы взять в другое время), сложенное в кучу.

6 Муулын — караван, обоз (кочевой).

мальчик. Затем, в 1949 г. женой Тымнетынагыргына. Теперь взяли зятя в дом, племянника Кеутегына, брата Томгыны — Кергын-а. По словам Томгыны, эпидемия 46 г. пришла от айвалыат. Захватила морской берег. Кочевники, бывшие летом у морского берега, заболели. Осенью покочевали в тундру. Прикочевали туда, в тундровых стойбищах люди еще не болели. Стойбища, вернувшиеся в тундру с морского берега, принесли эпидемию, заразив тундровиков. Отец Гырголька Рентуги умер вместе с женой. Иичемиттумгылкал<sup>1</sup> Томгыны Тиркан умер всей семьей в пологе. Так и осталась яранга брошенной с трупами [Кузнецова 1948–1951: 395].

Как ни странно, очень характерный для этого времени метод интервью — опросы на заданную тему — практически отсутствует, хотя в распоряжении В.Г. Кузнецовой наверняка были различные опросники.

В дневниках В.Г. Кузнецовой огромное количество материалов по терминологии родства и свойства, информации о семейно-родственных и брачных отношениях, которую она целенаправленно собирала, опрашивая при любой возможности практически каждого человека, даже если контактировала с ним короткое время. Делала она это, очевидно, просто в форме беседы, не используя специальные опросники. Этот обильный и богатейший материал ждет систематизации и анализа заинтересованного исследователя.

13 июля [1949 г.] <...> Омрвакотгаут сообщила: Гырголь состоял в групповом браке (невтумганит) 1) с Гемын (айгыскилин) с своим двоюродным братом (их отцы братья). 2) с отцом и матерью Кайвуквуны (мать — дочь Таёгыргына). Кайвуквуну Омр[увакотгау]т назвала чакеттомгылкаль. 3) с Алёлем. Омр[увакотгау]т два раза жила у Алёля, сначала еще маленькая. Очень заболела, приехал Гырголь и увез ее. Вторично была подростком, с дочерью сестры Алёля постоянно находилась в стаде. Питание хорошее, постоянно коонлин (?), цилькациль. В дорогу к стаду

1 Тумгылк'ыл — жених, невеста.

брали много мяса (клали в штанины керкера). Этой зимой, когда Тымн[енентын] и Уакай ездили в гости к Алёлю, опять он просил Уакай, чтобы Омр[увакотгау]т приехала к ним. «Но ведь здесь у Тымн[енентына] нет работницы». Алёля она звала эпъиндив, а его жену эпекей<sup>1</sup>. 4) с Тымненентыном. Омр[увакотгау]т сказала, что у Тымн[енентына] умерли обе жены, а когда умер Гырголь, Уакай скоро стала женой Тымн[енентына]. Про Уакай Омр[увакотгау]т сказала: лицо некрасивое, керкер плохой, а мужей много. Тымненентын и Уакай состоят в групповом браке с 1) Рэнтыгыргыном (сегодня Омр[увакотгау]т сказала — Варвара спросила, кем тебе приходится Рэнтыгыргын — атакалчал чами индив). 2) С Пэгту и Анн'ау. Тымнэлкот был женат на сестре Кенири и соединен в групповом браке с Чейвуной (она еще не была женой Тымн[нель]кхота) и ее мужем. Когда умер муж Чейвуны и жена Тымн[нель]кхота, они поженились. Кэргекай (брат Кэргуги) второй муж сестры жены Алёля. Первый муж ушел, очень ссорились. У матери осталась дочка, как Тымнены. <...> Омрыквотгаут — сестра Кенири (гэнэутымгын чакыгэт) была женой Ятгыргына и жила в яранге Тымненентына, но потом вышла замуж за Нутеуги. Затем Кэлиль — дочь Тейкылина (айгые кылин) была также женой Ятгыргына и жила у него в яранге и без разрешения Тымненентына вышла замуж за Тымнелькоткая. Отец Тейкылина и мать Тымненентына брат и сестра. Тымненентын и Тейкылин состоят в групповом браке. Тейкылин отец Келиль. Келиль также была женой Кенири. У Тымнелькоткая первая жена умерла — была. Прежде Таёгыргын и Тымненентын имели общий огонь, теперь нет [Кузнецова 1948–1951: 339].

Стремясь фиксировать окружающую действительность максимально объективно, она сводила субъективное «авторское начало» текстов к минимуму, избегая приводить свои суждения. Отсюда, вероятно, и редкость каких-то эмоциональных проявлений, в том числе и выражений естественного энтузиазма ученого, которому открывались какие-то интересные факты,

1 Эпэк'эй — бабушка, дедушка.

заманчивые перспективы исследований. Хотя она, несомненно, была очень заинтересованным, может быть, даже фанатичным исследователем:

*25 ноября 1949 г. <...> Вечером в пологе разговорились. За горами Эргыпылит живут чавчува<sup>1</sup>, отличающиеся по языку и по быту от здешних. У меня сердце забилось от радости — другое племя соседствует здесь в тундре. Эттыкутгеут назвала ряд слов — наименований предметов, отличных от здешних [Кузнецова 1948–1951: 336].*

*26 ноября 1949 г. <...> На обратном пути домой Пененеут сказала, что они будут кочевать далеко, в Кунтелек. У меня забилось сердце — мне страшно хочется попасть в Кунтелек. Но мне не предложили кочевать с ними. Я ограничилась высказыванием своего желания прийти к ним в гости [Кузнецова 1948–1951: 336].*

В полной мере избежать проявлений эмоциональности, конечно, не удавалось. Полевой дневник, в силу обстоятельств, зачастую являлся ее единственным доверительным «собеседником», которому В.Г. Кузнецова могла пожаловаться на свое плохое самочувствие, на обиды и прочие неприятные обстоятельства, которых было немало в ее полевой практике. Лишь время от времени в крайних обстоятельствах она позволяла себе такие «личностные эмоциональные всплески».

Поражает добросовестность В.Г. Кузнецовой: сбор материала не прекращался до самого последнего момента. Уже на берегу моря в Ыпгэн, распрощавшись с обитателями «ее» последнего стойбища, сидя на берегу у байдары, отплывавшей в Ванкарем, она опять развернула карту Чукотского полуострова и от также ожидавшей байдары Малыхина и Анкая стала записывать (и, надо полагать, отмечать на карте) местоположение прибрежных поселков, количество имеющихся там яранг и т.д. Даже в Ванкареме в ожидании отправки парохода она продолжала свои занятия.

*7 и 8 августа 1951 г. С Тнагыргыном занимались в школе, в квартире Нины Александровны. Сделала записи назва-*

1 Чавчыв (мн. чавчыват) — чукча-оленеvod.

*ний праздников; записала две сказки, но на русском языке [Кузнецова 1948–1951: 399].*

Продолжала В.Г. Кузнецова писать дневник и на борту парохода, но это, наверное, уже была привычка.

Упорное ведение записей — это настоящий подвиг в тех условиях, в которых жила В.Г. Кузнецова. Помимо всего прочего, включая противодействие чукчей, это было непросто даже физически. Особенно сложно все это было в зимнее время, в условиях полярной ночи.

*26–27 января 1949 г. <...> 26 и 27 Омрытвал у нас, перебралась с целью докончить мой кэркэр, но ее гоняют по всем делам, а вечером после ужина гасят свет, и нет никакой возможности работать. Чтобы записать пару слов, я использую утренние минуты перед чаем [Кузнецова 1948–1951: 336].*